

OLGA V. VELES
МЫ ВЕРНЕМСЯ
ДОМОЙ

Olga V. Veles

Мы вернемся домой

«Автор»

2026

Veles O.

Мы вернемся домой / О. Veles — «Автор», 2026

История о том, как любовь и вера семьи становятся надёжной опорой в самые тёмные времена. Это не просто история о войне и ожидании — это рассказ о невидимой нити, которая связывает людей, несмотря на километры и грохот снарядов. О том, как простые вещи и искренние слова становятся щитом и компасом. И о том, что возвращение домой начинается задолго до первого шага по родной земле — оно рождается в каждом письме, в каждом бережно сохранённом воспоминании, в каждой минуте, когда близкие говорят: «Мы ждём. Мы верим. Мы с тобой». о стойкости, о семье, о свете, который не гаснет, даже когда вокруг — полная тьма.

© Veles O., 2026

© Автор, 2026

Содержание

История первая. Мы вернемся домой. Пролог	5
Глава 1. «Письмо без адреса»	6
Глава 2. «Мост»	8
Глава 3. «Котёл»	11
Глава 4. «Фотокарточка»	13
Глава 5. «Часы без стрелок»	15
Глава 6. «Пёс»	18
Глава 7. «Песня»	20
Глава 8. «Храм»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Olga V. Veles

Мы вернемся домой

История первая. Мы вернемся домой. Пролог

Старый храм стоял на холме, окружённом густым еловым лесом. Его каменные стены покрывал мох, а на фреске над входом виднелись семь фигур в плащах, склонившихся над картой. Под ними — надпись на забытом языке: *«Кто помнит — тот не сгинет»*. Ветер шевелил листву, и тени от ветвей скользили по камню, будто оживляя древние образы.

Глава 1. «Письмо без адреса»

Иван Петрович шёл по разбитой дороге, сжимая в руках потрёпанную сумку. Ему было пятьдесят три года, седина уже прочно поселилась в висках, а вокруг глаз собрались глубокие морщины — следы многолетней работы почтальоном. Он носил старую куртку с нашивкой «Почта» и тяжёлые ботинки, которые знал наизусть: каждый шов, каждую выбоину на подошве.

Утро выдалось хмурым. Небо затянули серые тучи, ветер гнал по дороге сухие листья и обрывки газет. Иван шёл медленно, привычно заглядывая в почтовые ящики у покосившихся заборов. В сумке позвякивали конверты, шуршали открытки, но что-то сегодня было не так.

В тот день среди писем он нашёл один конверт без адреса. Бумага пожелтела от времени, будто лежала где-то в сыром месте. На ней было написано только имя «Андрей» и дата — 2022 год. Почерк был неровный, торопливый, будто писали в спешке.

Иван остановился, взгляделся в конверт. Что-то ёкнуло в груди — слишком знакомо выглядело это имя. Он достал письмо, повертел в руках. Конверт был запечатан, но не опломбирован. Внутри что-то шуршало — может, фотография, может, записка.

«Кому же ты адресовано?» — пробормотал Иван.

Он решил найти получателя. Не из чувства долга, а потому что почувствовал: это важно. Письмо без адреса — как человек без дома.

Первым делом он пошёл в старый район, где когда-то жили многие из его постоянных адресатов. Улица Ленина, дом 14 — здесь жил Андрей Смирнов, водитель автобуса. Но дом оказался заброшенным: окна заколочены, во дворе бурьян выше колена.

— А Смирновы-то? — спросил Иван у старушки, сидевшей на скамейке у соседнего дома.

— Да уехали, — махнула рукой та. — Ещё в прошлом году. Говорят, в город перебрались. А Андрей-то их погиб, царство ему небесное.

— Погиб?

— Ну да. В феврале двадцать второго. Он же добровольцем ушёл.

Иван замер. 2022 год... Дата на конверте. Значит, письмо написано незадолго до...

Он поблагодарил старушку и пошёл дальше. В голове крутились мысли. Может, письмо адресовано кому-то другому? Или это последнее послание, которое Андрей не успел отправить?

Следующей остановкой стал дом Анны, вдовы Андрея. Она жила на окраине посёлка, в маленьком домике с палисадником. Когда Иван постучал в дверь, она открыла не сразу — долго смотрела в глазок, потом медленно повернула замок.

Анна была бледной, с тёмными кругами под глазами, но держалась прямо. Ей было около сорока пяти, но выглядела она старше.

— Иван Петрович? — узнала она почтальона. — Что случилось?

— Я... нашёл письмо, — сказал он, протягивая конверт. — На нём написано «Андрей».

Анна взяла конверт дрожащими руками. Посмотрела на дату, на почерк. Кивнула, будто чего-то ожидала.

— Зайдите, — тихо сказала она.

Внутри дома пахло травами и старым деревом. На стене висела фотография: Андрей в форме, улыбается, рука на плече сына.

— Он писал мне каждый день, — сказала Анна, садясь за стол. — А это, видимо, не успел отправить. Или... не хотел, чтобы я получила.

Она аккуратно вскрыла конверт. Внутри оказалась фотография — Андрей с сыном на рыбалке — и короткая записка:

«Аня, если ты это читаешь, значит, я не вернулся. Береги Сашку. И себя. Я вас очень люблю. Простите, что не смог быть рядом».

Анна закрыла лицо руками, но слёз не было — видимо, выплакала всё давно.

— Спасибо, что принесли, — сказала она. — Теперь я точно знаю, что он думал о нас до конца.

— А сын? — спросил Иван. — Где он?

— У тётки в городе. Бойтся сюда приезжать — тут всё напоминает.

Иван вышел от Анны с тяжёлым сердцем. Но что-то подсказывало: это ещё не конец истории.

На следующий день он отправился в школу, где учился сын Андрея. Директор, старый знакомый Ивана, помог найти адрес тётки. Через два дня почтальон уже стоял у многоэтажки в соседнем городе.

Дверь открыл сам Сашка — высокий парень лет семнадцати, с отцовскими глазами.

— Вы кто? — настороженно спросил он.

— Я почтальон, — сказал Иван. — И я знал твоего отца.

Он протянул письмо. Сашка взял его, прочитал записку, посмотрел на фото. На мгновение его лицо дрогнуло, но он быстро взял себя в руки.

— Спасибо, — хрипло сказал он. — Я... я думал, он обо мне забыл. Перед тем как уйти.

— Не забыл, — твёрдо сказал Иван. — Видишь? Он думал о вас до самого конца.

Сашка кивнул, сглотнул.

— Заходите, — вдруг сказал он. — Мама как раз пирог испекла.

Они сидели на кухне, пили чай. Сашка рассказывал, как отец учил его водить машину, как они ходили в походы. Анна звонила позже, благодарила. А Иван понял кое-что важное.

Письмо было адресовано не только Андрею. Оно было адресовано ему самому — как напоминание о том, что он сам хотел сказать близким, но откладывал «на потом».

Вечером он сел на скамейке у своего дома, достал из кармана конверт (тот самый, без адреса, который нашёл утром) и тихо произнёс:

— Прости, Андрей. Я передам.

И положил письмо на могилу друга, которого не видел двадцать лет.

Глава 2. «Мост»

Сергей Николаевич стоял у остатков моста через реку Ольшанку. Ему было сорок пять лет, залысины на лбу и очки в толстой оправе, которые он постоянно поправлял, когда волновался. В руках он сжимал потрёпанный блокнот с чертежами — тот самый, куда записывал идеи ещё до начала всех событий.

Мост, который он проектировал два года, был разрушен. Когда-то это была изящная конструкция с арочными пролётами, перилами из кованого железа и фонарями в стиле ретро. Теперь от него остались лишь обломки бетона и ржавые балки, торчащие из воды, как зубы чудовища.

Сергей пришёл сюда на рассвете. Туман стелился над рекой, скрывая разрушения, но он знал каждый сантиметр этого места. Он опустился на колени у края обрыва, достал уголь и начал чертить прямо на уцелевшей плите.

Не для машин, а для людей. Тропа с перилами, скамейки у воды, фонари, которые можно зажечь вечером. Он рисовал схему перехода, отмечал места для лавочек, продумывал, где поставить урны и указатели.

— Зачем? — раздался голос за спиной.

Сергей обернулся. Позади стоял мальчик лет десяти, в грязной куртке и с ободранными коленками. В руках он держал удочку.

— Что «зачем»? — не понял инженер.

— Зачем рисовать? Его же всё равно не починят.

Сергей посмотрел на мальчика, потом на реку, на далёкие крыши Верхнего села, где жили его родители.

— Починят, — сказал он твёрдо. — Обязательно починят.

— А вы кто?

— Я инженер. Меня зовут Сергей Николаевич. А тебя?

— Ваня. Я тут рыбу ловлю. Раньше мы с дедом ходили по мосту, а теперь...

— Теперь будем ходить по новому, — перебил Сергей. — Поможешь мне?

Мальчик недоверчиво улыбнулся:

— Чем?

— Будешь моим помощником. Будешь смотреть, чтобы я ничего не забыл.

Они сели на бетонный обломок. Сергей развернул блокнот, показал чертежи. Ваня водил пальцем по линиям, задавал вопросы.

— А тут скамейка будет?

— Да, тут. Чтобы можно было посидеть, на воду посмотреть.

— А фонари?

— Конечно. Сделаем такие, чтобы светили ярко, как звёзды.
Мальчик оживился:

— А можно тут... — он ткнул пальцем в схему, — ...маленький магазинчик? Чтобы мороженое продавали?

Сергей рассмеялся:

— Можно и магазинчик. Ты у нас главный по идеям.

С тех пор они встречались каждый день. Сергей рисовал, Ваня приносил находки: доски, куски металла, старые кирпичи. Однажды он притащил целую коробку гвоздей, найденных в развалинах склада.

— Это для перил! — гордо объявил он.

Постепенно к ним начали присоединяться другие. Старик Пётр Иванович, бывший столяр, принёс инструменты. Две женщины из Нижнего села принесли еду — хлеб, варёные яйца, термос с чаем.

— Держитесь, — сказала одна. — Мы тоже хотим, чтобы мост был.

Однажды утром Сергей пришёл раньше обычного и замер. На его чертежах, прямо поверх линий, кто-то написал углём:

«Мы с вами. И. П.»

Он огляделся. На берегу стояли люди — соседи, знакомые, даже те, кого он не знал. Кто-то держал лопату, кто-то — верёвку, кто-то — ящик с инструментами.

— Ну что, инженер, — крикнул Пётр Иванович, — приступаем?

Сергей кивнул, чувствуя, как к горлу подступает ком.

— Приступаем, — хрипло ответил он. — Начинаем строить.

Ваня подбежал, схватил его за руку:

— А мороженое?

— И мороженое будет, — улыбнулся Сергей. — Всё будет.

Они начали с очистки берега. Вытаскивали обломки, сортировали металл, складывали кирпичи. Сергей распределял задачи, показывал, где копать, где укреплять. Ваня бегал между людьми, передавал распоряжения, приносил воду.

К вечеру первого дня они расчистили площадку. Сергей достал из рюкзака рулетку, измерил ширину реки в самом узком месте.

— Тридцать два метра, — объявил он. — Не так уж много. Мы справимся.

— А если опять... — начал кто-то.

— Не «если», — перебил инженер. — «Когда». Мы построим так, чтобы больше никто не смог это разрушить. Не просто мост — место, куда люди будут приходить. Где будут встречаться, разговаривать, дружить.

Люди закивали. Кто-то достал гитару, запел старую песню про реку и дорогу. Ваня сел у костра, который разожгли на берегу, и мечтательно произнёс:

— У нас будет самый лучший мост на свете.

— Самый лучший, — согласился Сергей, глядя на огонь. — Потому что мы строим его вместе.

Глава 3. «Котёл»

Анатолий стоял у большого походного котла, помешивал суп длинной деревянной ложкой и хмуро поглядывал на небо. Ему было около сорока, он был крепкого телосложения, с широкими плечами и сильными руками, привыкшими к тяжёлой работе. Над правой бровью — старый шрам, оставшийся ещё с юности после драки на дискотеке. Он носил фартук, испачканный томатным соусом и мукой, и старую кепку, которую не снимал даже ночью — она напоминала ему о мирной жизни.

Раньше Анатолий работал поваром в столовой на окраине города. Готовил борщ, котлеты, компот из сухофруктов. Теперь его «котёл» — не просто посуда, а символ дома, тепла, чего-то настоящего посреди хаоса.

Место, где они расположились, раньше было фермой. Теперь — временный лагерь. Вокруг — разбитые сараи, поваленные заборы, вытопанные огороды. Вдалеке виднелись холмы, откуда иногда доносились глухие разрывы.

Бойцы подходили по очереди, брали миски, благодарили. Кто-то улыбался, кто-то молчал, но все задерживались рядом с котлом — будто запах супа возвращал их в другое время.

— Толян, дай ещё чуток, — попросил сержант Гриша, высокий парень с веснушками. — У тебя сегодня борщ как у мамы.

— У мамы вкуснее, — усмехнулся Анатолий. — Но этот тоже сойдёт.

Он налил полную миску, добавил ложку сметаны из банки.

— Держи. И скажи ребятам — через час каша будет.

Один глоток — и кто-то вспоминал мать, второй — жену, третий — детство у бабушки в деревне. Суп был простой: картошка, морковь, сушёное мясо, травы, собранные неподалёку. Но в нём было что-то большее — память о доме.

Однажды к окопам притащили раненого противника. Он был бледен, дрожал от холода, форма в грязи, на рукаве — чужой шеврон. Бойцы переглянулись.

— Что с ним делать? — спросил Гриша.

Анатолий молча снял с огня кастрюлю, налил полную миску горячего супа, отрезал ломоть хлеба. Подошёл к раненому, присел рядом.

— Ешь, — сказал он тихо. — Голодным умирать нельзя. Даже если ты не наш.

Раненый поднял глаза, кивнул. Руки дрожали, но он взял миску.

— Спасибо, — прошептал он.

— Не за что, — ответил Анатолий. — Мы все люди.

После этого случая что-то изменилось. Бойцы стали чаще делиться едой, помогать друг другу. Даже те, кто раньше держался особняком, теперь подходили к котлу, улыбались, шутили.

Однажды вечером к Анатолию подошёл командир отряда, майор Волков. Невысокий, коренастый, с сединой на висках и усталыми глазами.

— Толян, — сказал он, глядя на огонь, — ты не просто повар. Ты — наша связь с домом. Без тебя мы бы забыли, что такое тепло.

— Да ладно вам, товарищ майор, — смутился Анатолий. — Я просто варю суп.

— Нет, — покачал головой Волков. — Ты даёшь нам надежду. А это важнее любого оружия.

На следующий день к котлу стали приходиться не только бойцы, но и местные жители — старики, женщины, дети. Кто-то приносил картошку, кто-то — морковь, кто-то — пучок зелени.

— Возьмите, — говорила старушка в платке. — У меня сын там, где вы были. Может, и ему кто-то суп нальёт.

— Спасибо, мамаша, — кивал Анатолий. — Всё пойдёт в дело.

К вечеру он разлил последнюю порцию супа в три миски. Одну отдал Грише, вторую — майору Волкову, третью взял себе. Они сели у костра, ели молча. Где-то вдалеке грохнуло, но никто не вздрогнул.

— Завтра будем печь хлеб, — сказал Анатолий. — У бабы Марфы мука осталась.

— Хлеб — это хорошо, — улыбнулся Волков. — Это уже не суп, а целая жизнь.

— Вот и я так думаю, — кивнул повар.

Когда миски опустели, Анатолий встал, похлопал себя по фартуку, вытер ложку о тряпку. Подошёл к котлу, провёл рукой по горячим бокам.

— Ну что, дружище, — шепнул он. — Завтра снова в бой. Кормить будем, согреть, помнить.

Котёл тихонько шипел, будто отвечал ему.

Глава 4. «Фотокарточка»

Лена торопливо перевязывала раненого, стараясь не обращать внимания на гулкие разрывы где-то за лесом. Ей было двадцать восемь лет, короткие русые волосы выбивались из-под косынки, а зелёные глаза, обычно спокойные и внимательные, сейчас были полны тревоги. На шее, под халатом, висел старый медальон — подарок матери, который она не снимала ни днём ни ночью.

Раненый солдат дышал прерывисто, лицо было бледным, губы потрескались. Лена аккуратно обработала рану на плече, наложила повязку, потом достала флягу и поднесла к его губам.

— Попейте, — тихо сказала она. — Сейчас станет легче.
Солдат сделал несколько глотков, приоткрыл глаза.

— Спасибо, сестра, — прошептал он.

Пока Лена готовила шприц с обезболивающим, её взгляд случайно упал на карман его формы. Из него торчал уголок фотографии. Она осторожно вытащила снимок: женщина с двумя детьми, улыбаются на фоне яблони. На обороте — имя «Ольга» и номер телефона.

— Это ваша семья? — спросила Лена.

Солдат кивнул, попытался улыбнуться.

— Да... Жена и сыновья. Старшему восемь, младшему пять.

— Они в безопасности?

— Должны быть... В селе за рекой.

Лена аккуратно положила фото обратно, поправила одеяло.

— Вы поправитесь, — уверенно сказала она. — И увидите их снова.

Но когда через несколько часов солдат умер, Лена решила, что должна найти эту семью. Не просто сообщить о смерти — а передать фото. Пусть у них останется что-то настоящее, осязаемое.

Путь вёл через разрушенные улицы, сгоревшие дома, пустые дворы. Лена шла, сжимая в кармане фотографию. Иногда её останавливали люди, просили помощи, и она задерживалась — делала перевязки, давала лекарства. Но каждый раз возвращалась к своей цели.

Наконец она нашла дом — окна выбиты, дверь сорвана с петель. Но в саду, под той самой яблоней, сидела женщина с детьми. Она сразу поняла, зачем пришла медсестра.

— Он жив? — спросила Ольга, хотя уже знала ответ.

Лена молча протянула фото. Женщина взяла его дрожащими руками, прижала к груди.

— Я знаю, что нет, — прошептала она. — Но спасибо, что принесли. Теперь он снова с нами — хоть на миг.

Старший мальчик, Максим, подошёл ближе, заглянул в лицо Лены.

— А он... он был храбрым?

— Очень, — кивнула Лена. — Он думал о вас до самого конца.
Младший, Саша, потянул мать за рукав:

— Мам, можно я подержу?

Ольга отдала ему фото. Саша прижал его к груди, как игрушку.
Лена хотела уйти, но Ольга остановила её.

— Оставайтесь на ужин, — сказала она. — Мы как раз варили компот из этих яблок.

— Но...

— Пожалуйста. Нам нужно поговорить о нём. О том, каким он был.

Они сели под яблоней. Ольга рассказывала, как они познакомились, как строили этот дом, как ждали детей. Максим показывал свои рисунки, Саша хвастался, что уже умеет читать. Лена слушала, улыбалась, иногда вытирала слёзы.

— Знаете, — сказала Ольга, когда солнце начало садиться, — вы не просто принесли фото. Вы принесли его голос, его смех, его тепло. Теперь мы можем помнить его не только в сердце, но и вот здесь.

Она коснулась фотографии, которую Саша всё ещё держал в руках.
Лена встала, поправила халат.

— Мне пора, — сказала она. — Другие ждут помощи.

— Идите, — кивнула Ольга. — Но приходите ещё. Вы теперь часть нашей истории.

На обратном пути Лена остановилась у ручья, чтобы умыться. Вода была холодной, свежей. Она посмотрела на своё отражение — усталое, но спокойное. И вдруг поняла: это не конец. Она будет искать семьи других раненых, передавать письма, рассказывать истории. Потому что память — это не просто слова. Это связь, которая держит нас вместе.

Вечером, в блиндаже, где располагался медпункт, Лена достала блокнот и начала писать.

«Дорогая Ольга и мальчики, я пишу вам из того места, где ваш муж и папа провёл последние часы. Он был сильным, добрым, смелым. Он думал о вас, вспоминал ваши улыбки, мечтал вернуться. И хотя его нет рядом, он жив — в ваших сердцах, в яблонях, которые он сажал, в смехе, который вы слышите. Берегите друг друга, живите полной жизнью. И знайте: он гордился бы вами».

Она запечатала письмо, положила внутрь копию фотографии (она успела сделать её в городе) и подписала адрес. Завтра она передаст его почтальону Ивану Петровичу — он знает, как доставить.

За окном шумел ветер, где-то вдалеке гремели выстрелы. Но здесь, в медпункте, было тихо. Лена закрыла глаза и впервые за долгое время почувствовала покой. Она сделала то, что должна была. И это было правильно.

Глава 5. «Часы без стрелок»

Павел Андреевич сидел за столом, окружённый деталями и инструментами. Ему было шестьдесят лет, тонкие пальцы ловко перебирали шестерёнки, а очки на шнурке то и дело сползали на кончик носа. Он носил жилет с множеством карманов — в них хранились отвёртки, пинцеты, лупы и прочие мелочи, без которых не обойтись часовщику.

Мастерская Павла когда-то была уютным местом в центре города: полки с часами всех эпох, запах дерева и металла, мягкий свет лампы над рабочим столом. Теперь это блиндаж на окраине разрушенного посёлка. Стены укреплены мешками с песком, вместо окна — прорезь, занавешенная куском брезента.

Его мастерскую разбомбило в тот самый день, когда всё изменилось. Но Павел не сдался. Он собирал остатки механизмов: гильзы стали шестерёнками, провода — пружинами, осколки стекла — циферблатом. Часы не показывали время, но тикали — ровно, успокаивающе.

— Время не остановишь, — говорил он бойцам, которые заходили к нему погреться. — Но можно заставить его звучать.

Рядом с ним на столе лежали детали:

гильза 7,62 мм, аккуратно распиленная и превращённая в корпус шестерёнки;

кусок телефонного кабеля — из него получилась спираль баланса;

осколок зеркала — будущий циферблат;

пружина от старого будильника — основа механизма.

Однажды утром он поставил часы на подоконник блиндажа. Их тиканье стало ритмом, по которому люди засыпали и просыпались, ждали вестей и верили, что день придёт.

К нему часто заходил лейтенант Дмитрий, молодой офицер с серьёзным лицом и шрамом на щеке.

— Павел Андреевич, — как-то спросил он, — а почему у них нет стрелок?

— А зачем? — улыбнулся часовщик. — Время сейчас не в цифрах. Оно в том, что мы живы, что ждём, что верим. Эти часы отсчитывают не минуты, а мгновения, когда мы решаем остаться людьми.

Дмитрий задумался, потом кивнул:

— Понял. Это часы надежды.

— Можно и так сказать, — согласился Павел.

Постепенно к часам начали относиться как к талисману. Бойцы перед выходом на задание дотрагивались до корпуса, будто ища удачи. Раненые слушали их тиканье, чтобы не потерять связь с реальностью. Даже командир, суровый полковник Морозов, однажды остановился у стола и долго смотрел на механизм.

— Вы настоящий мастер, — сказал он наконец. — Не только часов, но и душ.

Однажды к Павлу пришёл мальчик лет двенадцати, Ваня, тот самый, что помогал Сергею строить мост.

— Дядя Паша, — спросил он, заглядывая в механизм, — а можно я помогу?

— Конечно, — кивнул часовщик. — Будешь моим подмастерьем.

Он дал мальчику лупу и показал, как чистить шестерёнки. Ваня работал старательно, сосредоточенно, а потом вдруг спросил:

— А если война кончится, вы снова откроете мастерскую?

Павел задумался.

— Да, — сказал он твёрдо. — И ты будешь моим учеником. Научишься всему: как разбирать, чинить, собирать заново. Потому что часы — это не просто механизм. Это память о том, что время идёт, что жизнь продолжается.

Ваня улыбнулся, кивнул.

— Я буду учиться, — пообещал он.

Вечером, когда все разошлись, Павел остался один. Он достал старую фотографию: молодая женщина с ребёнком на руках. Его жена и сын, погибшие при обстреле города. Он провёл пальцем по стеклу, потом посмотрел на часы.

— Видите? — прошептал он. — Они живут. В этих шестерёнках, в этом тиканье. Время не вернёшь, но можно заставить его звучать для тех, кто остался.

На следующий день к блиндажу подошли люди из посёлка. Принесли детали: сломанные будильники, старые наручные часы, даже механизм от школьных курантов.

— Возьмите, — сказала старушка в платке. — Может, из этого что-то получится.

— Спасибо, — кивнул Павел. — Получится. Обязательно получится.

Он начал разбирать находки, сортировать детали. Ваня сидел рядом, учился. Бойцы заходили, улыбались, слушали тиканье часов. Где-то вдалеке гремели выстрелы, но здесь, в блиндаже, было тихо и спокойно.

Полковник Морозов зашёл вечером, посмотрел на работу.

— Павел Андреевич, — сказал он, — завтра мы идём в наступление. Перед выходом я хочу, чтобы все услышали эти часы. Пусть они напомнят нам, ради чего мы сражаемся.

— Хорошо, — кивнул часовщик. — Я подготовлю их.

На следующее утро бойцы собирались у блиндажа. Павел вынес часы, поставил на ящик.

— Слушайте, — сказал он тихо.

Все замерли. Тиканье звучало чётко, размеренно, уверенно.

— Это звук жизни, — произнёс Павел. — Помните его. И возвращайтесь.

Бойцы кивнули, один за другим дотронулись до корпуса часов. Дмитрий улыбнулся, похлопал Павла по плечу.

— Мы вернёмся, — сказал он. — Обязательно вернёмся.

Когда колонна ушла, Павел и Ваня остались у блиндажа.

— Они вернуться, — уверенно сказал мальчик.

— Конечно, вернуться, — кивнул часовщик. — Потому что эти часы будут ждать. И мы будем ждать.

Тиканье продолжалось. Оно звучало в такт дыханию, в такт биению сердец, в такт надежде, которая не гаснет даже в самые тёмные времена.

Глава 6. «Пёс»

Максим, связист с веснушками и короткой стрижкой, сидел на краю окопа и гладил пса по загривку. Псу было три года, звали его Верный — рыжая шерсть, рваное ухо и умные карие глаза, которые, казалось, видели больше, чем положено собаке.

— Ну что, дружище, — тихо сказал Максим, — сегодня снова в разведку?

Пёс поднял уши, будто понял, и слегка вильнул хвостом.

Верный был не просто собакой. Он находил раненых под завалами, таскал патроны в специальной сумке, спал у ног хозяина, согревая в холодные ночи. Бойцы говорили, что у него нюх на опасность — если Верный начинал беспокоиться, все тут же прятались в укрытия.

Однажды утром командир, лейтенант Гришин, подозвал Максима:

— Нужно проверить район у старой школы. Разведка доложила, что там могут быть раненые. Возьми Верного.

— Есть, — кивнул Максим.

Они двинулись вдоль опушки леса. Верный шёл впереди, принохиваясь, иногда останавливался, прислушивался. Максим следовал за ним, держа автомат наготове.

Возле школы всё выглядело тихо. Разбитые окна, обрушившаяся крыша, следы гусениц танков на земле. Верный вдруг замер, прижал уши и тихо заскулил.

— Что там? — прошептал Максим.

Пёс осторожно двинулся вперёд, обогнул груды кирпичей и скрылся за углом. Максим поспешил за ним.

За развалинами, прижавшись к стене, сидел мальчик лет семи. Он был грязный, в порванной куртке, глаза красные от слёз. А Верный лежал рядом, прикрывая его собой, будто защищая.

— Эй, малой, — тихо позвал Максим, опуская автомат. — Ты один?

Мальчик кивнул, шмыгнув носом.

— Мама... там... — он показал на развалины.

Максим осторожно подошёл, положил руку на голову Верному.

— Молодец, — шепнул он. — Хороший мальчик.

Он достал флягу, дал мальчику попить, потом связался с базой по рации:

— Приём, это Максим. Нахожусь у школы. Обнаружен гражданский, ребёнок. Нужна эвакуация.

— Понял, высылаем группу, — раздался голос в динамике.

Пока ждали помощь, Максим снял с себя куртку, накрыл мальчика. Тот дрожал, но уже не плакал.

— А это кто? — спросил он, указывая на пса.

— Верный. Он тебя нашёл.

— Он меня спас, — прошептал мальчик.

— Да, — кивнул Максим. — Он нас всех спасает.

Когда прибыла группа, мальчика забрали в медпункт. Он долго не хотел отпускать Верного, но Максим пообещал, что пёс придёт его навестить.

На следующий день они действительно пришли. Мальчик сидел на раскладушке, укутанный в одеяло, но уже улыбался.

— Смотри, — сказал Максим, подзывая Верного, — он принёс тебе подарок.

В зубах у пса была шоколадная конфета — кто-то из бойцов дал.

Мальчик засмеялся, взял угощение.

— Спасибо, Верный!

Пёс вилял хвостом, тыкался носом в ладонь.

— Знаешь, — сказал Максим мальчику, — он не просто собака. Он — друг. И пока он с нами, мы не пропадём.

Мальчик кивнул серьёзно:

— Я тоже буду ему другом. Можно?

— Конечно, — улыбнулся Максим. — Теперь вы оба наши.

С тех пор Верный стал талисманом отряда. Бойцы делились с ним едой, чесали за ухом, а он в ответ предупреждал об опасности, находил раненых, поднимал настроение одним своим видом.

Однажды вечером, когда все сидели у костра, лейтенант Гришин поднял кружку:

— За Верного! — объявил он. — За того, кто не говорит, но делает больше многих из нас.

Все засмеялись, закивали.

— За Верного!

Пёс, будто понимая, вилял хвостом и поглядывал на Максима. Тот потрепал его за уши:

— Слышишь, дружище? Ты теперь легенда.

Верный ткнул его носом в колено, будто говоря: «А я что, я просто делаю своё дело».

Максим улыбнулся, посмотрел на огонь. Где-то вдалеке слышались выстрелы, но здесь, у костра, было тепло и спокойно. Верный положил голову ему на колени, вздохнул и закрыл глаза.

— Спи, — тихо сказал Максим. — Завтра снова в путь.

Пёс слегка вильнул хвостом во сне, будто согласился.

Глава 7. «Песня»

Андрей сидел у костра, перебирал струны старой гитары и тихо напевал. Ему было тридцать лет, длинные тёмные волосы он завязывал в хвост, на шее висел серебряный кулон — подарок матери. На пальце блестело кольцо с тёмным камнем, которое он носил как талисман.

Раньше Андрей играл в маленьком кафе на окраине города. Его репертуар состоял из лирических баллад, песен о море, весне и любви. Посетители заказывали кофе и слушали, как он поёт, а иногда подпевали хором. Теперь его аудитория — бойцы в блиндажах, раненые в медпункте, дети в подвалах разрушенных домов.

— Андрюха, — окликнул его сержант Петров, коренастый мужчина с сединой на висках, — спой что-нибудь про море. А то тут всё бетон да грязь, а так хоть вспомнишь, что где-то есть синева и песок.

— Про море так про море, — улыбнулся Андрей.
Он провёл пальцами по струнам, вдохнул поглубже и запел:
«Волна бежит за волной,

Ветер шепчет: «Не грусти».

Там, за далью голубой,

Ждут нас светлые пути...»

Бойцы замерли, слушая. Кто-то прикрыл глаза, кто-то начал тихонько подпевать. Один парень, совсем юный, достал блокнот и начал записывать слова.

— Спасибо, — сказал Петров, когда песня закончилась. — Сразу легче стало. Будто домой заглянул.

На следующий день Андрей отправился в соседний район — там, по слухам, оставались уцелевшие дома. Он шёл по разбитой дороге, гитара в чехле за спиной, рюкзак с припасами на плечах. Возле сгоревшего магазина он заметил девочку лет десяти, которая собирала осколки стекла.

— Осторожно, — предупредил Андрей, — не порежься.

— А я не боюсь, — ответила она, но стекло отложила. — Вы кто?

— Музыкант. Играю на гитаре. Хочешь послушать?

Девочка кивнула. Андрей присел на обломок стены, достал гитару и заиграл простую мелодию. Потом запел:

«Солнышко светит, птички поют,

Даже в беде нас не забудут.

Мама придёт, папа придёт,

Всё хорошо будет, вот-вот...»

Девочка слушала, не отрываясь. Когда песня закончилась, она улыбнулась:

— Ещё!

— Конечно, — кивнул Андрей. — Какую хочешь?

— Про весну!

Он заиграл другую мелодию, и девочка начала подпевать. Постепенно к ним подтягивались другие дети, потом взрослые. Кто-то принёс хлеб, кто-то — термос с чаем.

— Вы теперь будете приходить к нам петь? — спросила девочка, когда Андрей собрался уходить.

— Буду, — пообещал он. — Каждый вторник и четверг. Договорились?

— Договорились! — обрадовалась она.

Но на третий день, когда Андрей шёл к месту встречи, раздался взрыв. Снаряд попал в здание рядом — ударная волна швырнула музыканта на землю, гитара треснула, одна струна порвалась.

Андрей очнулся в медпункте. Лена, медсестра, обрабатывала ему ссадины.

— Живой, — облегчённо сказала она. — Гитара вот только...

Он посмотрел на инструмент: корпус треснул, гриф слегка погнулся, струны порвались.

— Ничего, — хрипло сказал Андрей. — Главное, что я цел.

Вечером он сидел у костра, держал гитару на коленях и перебирал оставшиеся струны. Пальцы дрожали, голос охрип. Он попытался спеть — вышло тихо, надломленно.

— Не надо, — сказал кто-то рядом.

Андрей поднял глаза. Это был тот самый юный боец, который записывал слова.

— Не мучай себя, — продолжил парень. — Мы сами споём.

И он запел — сначала неуверенно, потом всё увереннее:

«Волна бежит за волной...»

К нему присоединился ещё один голос, потом ещё. Вскоре уже весь блиндаж пел хором. Андрей слушал, и на глазах выступили слёзы.

— Они уже в нас, — прошептал он. — Теперь их не сломать.

На следующее утро к нему подошли люди.

— Мы тут кое-что собрали, — сказал старик в потрёпанном пальто, протягивая коробку.

Внутри лежали струны, канифоль, кусок дерева для ремонта.

— Спасибо, — Андрей сглотнул комок в горле. — Я постараюсь починить.

Он работал весь день. Ваня, мальчик, помогавший часовщику Павлу, принёс инструменты. Вместе они укрепили гриф, заменили струны, заделали трещину.

Вечером Андрей снова взял гитару. Проиграл несколько аккордов — звук был неидеальным, но чистым.

— Ну что, — он улыбнулся, — попробуем?

Он запел, и люди вокруг подхватили. Песня звучала не только из его уст — она жила в сердцах тех, кто её запомнил, кто передал дальше, кто сделал её частью себя.

Когда песня закончилась, кто-то захлопал, кто-то засмеялся, кто-то вытер глаза.

— Андрей, — сказал лейтенант Гришин, — ты не просто музыкант. Ты — наша память. То, что не сгорит, не взорвётся, не исчезнет.

— Я просто играю, — смутился Андрей.

— Нет, — покачал головой лейтенант. — Ты даёшь нам надежду. И пока мы помним эти песни, мы остаёмся людьми.

Андрей кивнул. Он посмотрел на гитару, на лица людей вокруг, на огонь костра. Где-то вдалеке гремели выстрелы, но здесь, в этот миг, была только музыка — та, что живёт внутри, та, что сильнее любых бурь.

— Давайте ещё раз, — сказал он. — На этот раз все вместе.

И они запели. Громко, уверенно, с верой в то, что завтра будет новый день, что море всё так же сине, а весна обязательно придёт.

Глава 8. «Храм»

Отец Михаил шёл по тропе, ведущей к древнему храму. Ему было пятьдесят пять лет, седые волосы выбивались из-под капюшона, а в руках он держал потрёпанную Библию и фонарь с тусклой лампочкой. На шее висел простой деревянный крест — не украшение, а знак веры, которую он нёс через годы испытаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.